

Людмила Посохова
(Харьков, Украина)

Реформы духовных учебных заведений в Российской империи в конце XVIII – в начале XIX века и историческая судьба православных коллегиумов Украины

В соответствии с периодизацией, предложенной Петером Моравом, выделяют три университетские „модели”, отвечающие трем эпохам истории европейских университетов, – доклассическую, классическую и постклассическую¹. XVIII век в истории образования был отмечен кризисом средневекового („доклассического”, „церковного”, „корпоративного”) университета и трансформацией его основных параметров. Этот процесс перехода от доклассического к классическому университету затронул не только сами университеты, перемены касались всей сферы образования, в результате чего во второй половине XVIII– начале XIX вв. состоялось становление „классического университета”, а другие учебные заведения приобрели новые задачи. Кризис доклассической модели европейского университета побудил католические, протестантские и кальвинистские университеты к поискам выхода из стагнации, путей и форм модернизации.

Во второй половине XVIII в. в Российской империи также активизировались поиски новых принципов в сфере образования, были сделаны некоторые шаги в направлении реформы. Однако внимание исследователей долгое время концентрировалось на Московском университете (основан в 1755 г.) и некоторых светских школах. При этом зачастую игнорировались другие учебные заведения, имевшие более глубокие корни. В частности, речь идет о тех из них, которые возникли благодаря поддержке Православ-

---

¹ P. Moraw, *Aspekte und Dimensionen älterer deutscher Universitätsgeschichte*, [in:] *Academia Gissensis: Beiträge zur älteren Gießener Universitätsgeschichte*, hrsg. von P. Moraw, Marburg 1982, s. 1–43; B. Wittrock, *The Modern University: the Three Transformations*, in: *The European and American University since 1800*, ed. by Sh. Rothblatt, B. Wittrock, Cambridge 1993, s. 303–361.

ной Церкви (православные академии и коллегииумы). В данном случае акцентируем внимание на тех изменениях, которые происходили в православных коллегииумах – Черниговском, Харьковском и Переяславском². В Российской империи в XVIII в. эти учебные заведения существовали только на украинских землях. Они стали воплощением синтеза культурных традиций Запада и Востока Европы. Есть все основания утверждать, что они возникли под влиянием иезуитских коллегииумов, появившихся на украинских землях еще в XVII в. Связь православных коллегииумов с иезуитскими проявлялась в схожести организационной структуры, в наличии таких же „классов” и порядка их прохождения (грамматические, классы поэтики, риторики, философии и богословия), программе образования (фактически сориентированной на иезуитскую „Ratio Studiorum”)³. Явная генетическая связь модели православного коллегииума с иезуитскими коллегииумами (университетами) обуславливает необходимость поиска ответов на важные вопросы, касающиеся более общей проблемы трансфера и адаптации университетской идеи на восточноевропейском культурно-образовательном пространстве. Найти такие ответы непросто. Поскольку православные коллегииумы возникли в обозначившуюся эпоху перелома, постольку многообразие форм и тенденций затрудняет построение правильной системы координат для определения сути наблюдавшихся трансформаций. И все же смеем утверждать, что это возможно.

Несмотря на то, что в Российской империи уже в первой четверти XVIII в. начались процессы унификации и централизации, вплоть до начала XIX в. православные коллегииумы сохраняли специфику своей модели. Они существовали среди других имперских учреждений как местная культурно-образовательная форма, которая оказалась конкурентоспособной в силу слабости образовательных институтов самой „метрополии”. Этому способствовали и сохранявшиеся в XVIII в. особенности административно-территориального и социального устройства, традиции Гетманской и Слободской Украины. Тем не менее со второй половины XVIII в. под воздействием ряда факторов и в коллегииумах происходят перемены. Прежде всего

² Эти учебные заведения были основаны соответственно в 1700, 1726, 1738 гг. О православных коллегииумах см.: Л.Ю. Посохова, *На перехресті культур, традицій, епох: православні колеґіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст.*, Харків 2011.

³ Среди преподавателей и студентов Киевского (ставшего академией) и других православных коллегииумов было немало тех, которые учились в академиях и иезуитских коллегииумах Речи Посполитой. См., например: Н. Gmiterek, *Młodzież Kijowszczyznyw Akademii Zamojskiej (1595–1784)*, „Український археографічний щорічник” 1999, вип. 3/4, с. 230–241; idem, *Promocje doktorskie w Akademii Zamojskiej*, [w:] *W kręgu akademickiego Zamościa*, red. Н. Gmiterek, Lublin 1996, s. 225–248; Г. Гмітерек, *Молодь з українських земель в Замойській академії в XVI–XVII століттях*, „Соціум. Альманах соціальної історії” 2003, вип. 2, с. 11–21.

имеется в виду влияние именно тех общих тенденций в сфере образования, о которых уже шла речь. Происходящие на Западе процессы оказывали существенное влияние на философию и ход образовательных реформ в Российской империи, что стало особенно заметно в период правления Екатерины II⁴. Соответственно, можно утверждать, что только поместив православные коллегииумы в контекст общеевропейской истории, становится возможным оценить зигзаги их исторической судьбы.

Роль Запада в „идейном наполнении” русской и украинской культуры в эпоху Просвещения, проблемы адаптации западноевропейских идей в Российской империи в XVIII в., взаимовлияние культур в рамках общеевропейского пространства в последние десятилетия приобрели большую популярность, стали темами нескольких конференций⁵. Однако вопрос о том, как именно в новые структуры были вписаны „старые” учебные заведения, особенно те, которые были основаны под влиянием европейских образовательных форм, остается слабо изученным. В связи с этим современные исследователи обратили внимание на „идейную” сторону процесса реформ, в частности, на те проекты, которые выдвигались в XVIII в. Хотя ряд проектов и сам процесс реформ, проводившихся в Российской империи, и ранее попадали в поле зрения историков⁶, в последние десятилетия интерес к ним явно возрос. Авторы отмечают, что именно проекты позволяют увидеть глубинные процессы в сфере образования, выявить идей-

---

⁴ J. Kusber, *Individual, Subject, and Empire. Toward a Discourse on Upbringing, Education, and Schooling in the Time of Catherine II, „Ab Imperio”* 2008, № 2.

⁵ См.: К. Шарф, *Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения*, [в:] „Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе”: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи, отв. составитель А. В. Доронин, Москва 2008, с. 14–15; „Быть русским по духу и европейцем по образованию”: *Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в.*, ред. серии А. В. Доронин, Москва 2009. По итогам международного проекта „Ubi universitas, ibi Europa” (трансфер и адаптация университетского образования в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.), который поддерживался Германским Историческим Институтом (г. Москва) и Фондом Герды Хенкель (GERDA HENKEL STIFTUNG), участницей которого была и автор данной статьи, была издана монография: *Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века*, ред. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов, Москва 2012.

⁶ Ф.И. Титов, *Киевская академия в эпоху реформ, 1796–1819 гг.*, Киев 1910; С.В. Рождественский, *Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII и XIX веках*, Санкт-Петербург 1912, т. 1, с. 197, 250–313; В. Різніченко, *Проект Українського університету в Батурині: сторінка з історії просвітніх заходів останнього Гетьмана України*, Київ 1916; Л. Миловидов, *Проекти університету у Києві у другій половині XVIII в.*, „Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва” 1930, зб. 1; Л. Миловидов, *Проекти вищої школи на Чернігівщині (1760–1803 рр.)*, „Записки Чернігівського наукового товариства. Праці історико-краєзнавчої секції” 1931, т. 1, с. 65–89.

ную борьбу, происходившую на стадии разработки и обсуждения решений, реализованных в ходе образовательных реформ в начале XIX в.⁷ Вместе с тем, преобразования церковных учебных заведений, которые осуществлялись тогда же, до сих пор остаются в стороне, как нечто своеобразное, особенное, не имеющее отношения к этим процессам.

Именно потому целью данной статьи является определение места и статуса, которые отводились православным коллегиям в проектах образовательных реформ и те реальные трансформации, каким они подверглись в начале XIX в. Эта исследовательская задача тем более интересна, что православные коллегии, по сути, были синкретическими учебными заведениями, соединявшими задачи светских и духовных учебных заведений. И вопрос о том, могли ли они превратиться со временем в университеты нового типа не является абсурдным. Повод поразмышлять об этом дают некоторые публикации⁸. Более того, в современной историографии все чаще можно встретить попытки рассматривать именно такие возможные, но не состоявшиеся, перспективы развития. Принципы альтернативной истории в этом случае становятся действенным орудием построения уже упомянутой системы координат.

Первые шаги в направлении практического решения таких сложных задач как создание системы образования, установление связей между высшей, средней и начальной школой, были сделаны в Российской империи при Екатерине II⁹. Уже история создания Московского университета свидетельствует о том, что во второй половине XVIII в. проблемы сочетания традиционного корпоративного понимания средневекового университета с движением к „модернизации”, встраивания образовательных институтов в систему государственного аппарата, совмещения государственной службы и членства в корпорации, виделись современниками как весьма острые. При этом важно отметить, что проекты и предложения преобразований рождались не только в кабинетах государственных сановников высокого ранга, но и были плодом местной инициативы.

⁷ См.: Г.И. Смагина, *Академия наук и российская школа (вторая половина XVIII в.)*, Санкт-Петербург 2002, с. 35–100; А.Ю. Андреев, *Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы*, Москва 2009, с. 302–320.

⁸ Исследователи интересовались планами преобразования Киево-Могилянской академии и создания на ее основе университета. См.: М. Яременко, *Чи був 1701 р. рубіжним для Могилянської академії у сприйнятті київських професорів XVIII ст.?* [w:] *350-lecture unii hadziackiej (1658–2008)*, red. T. Chynczewska-Hennel, P. Kroll, M. Nagielski, Warszawa 2008, s. 627–628; М. Яременко, *Киево-Могилянська Академія в 1817 році: кінець історії? (Про реформу Київських Атен, їх рецепцію та визначальні дати)*, „Труди Київської Духовної Академії” 2009, № 11: Ювілейний збірник, с. 106–121.

⁹ А.Ю. Андреев, *op. cit.*, с. 302.

Начиная с 1760-х годов и до 1804 г. насчитывается более десятка проектов и предложений по реформированию сферы образования в Российской империи. В данном случае обратим внимание на те из них, появление которых было вызвано стремлением так или иначе вписать православные коллегии в новые реалии жизни. Одним из первых возник проект создания университета в Батурине, автором которого был Г.Н. Теплов (1760 г.). Автор мотивировал свое предложение тем, что население этого края, Гетманщины, традиционно проявляет расположение к наукам, большое число студентов выезжают для обучения за границу, в то время как местные учебные заведения (имелись в виду Киевская академия, Черниговский и Переяславский коллегии) не отвечают требованиям времени, в них не хватает профессоров¹⁰. Этот проект был разработан с ориентацией на образец Московского и немецких университетов¹¹. К аргументации Г.Н. Теплова очень близки обоснования „Плана о учреждении разных училищ”, который составил первый профессор права Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (Dilthey) в 1764 г. Он предлагал основать университеты в Батурине и Дерпте, поскольку считал, что таким образом „в Малороссии любители наук” смогут получить удобное место для обучения и не будут выезжать для этого в другие страны¹². Не менее интересны наблюдения П. А. Румянцева, которые в 1765 г. он изложил в докладе Екатерине II. Он высказался о целесообразности создания университетов в Киеве и Чернигове путем преобразования „местных академий” (коллегии нередко называли „академиями”)¹³.

В начале 1766 г. Киево-Могилянская академия через киевского генерал-губернатора И. Глебова начала хлопотать о подтверждении ее давних прав и привилегий. Доклад Глебова опубликован¹⁴ и известен исследователям. Однако в бумагах Г.Н. Теплова, который принимал прошения на имя Екатерины II, содержатся размышления и замечания на доклад Глебова, которые, по сути, являются еще одним проектом создания „формального университета” на базе Киевской академии¹⁵. Необходимость университета обосновывалась

¹⁰ Проект к учреждению университета Батуринского, 1760 года, „Чтения в обществе истории и древностей российских” 1863, кн. 2 (апрель–июнь), с. 67–68.

¹¹ Л. Миловидов, *Проекты вищої школи на Чернігівщині (1760–1803 рр.)*, *op. cit.*, с. 76; А.Ю. Андреев, *op. cit.*, с. 266–267.

¹² С.В. Рождественский, *Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках*, Санкт-Петербург 1910, с. 29–30.

¹³ Доклад графа П. Румянцева о разных мероприятиях по управлению Малороссией и собственноручные решения Екатерины II, 18 мая 1765 г., „Сборник Русского исторического общества” 1872, т. 10, с. 17–18.

¹⁴ *Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. 2 (1721–1795)*, Киев 1906, т. 3, с. 338–342.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов в Москве (далее: РГАДА) Фонд 18: Духовное ведомство, оп. 1 д. 220, л. 5–6.

тем, что население этого региона стремится к получению образования, и „никогда меньше 1 тыс. учеников не бывает в Киеве, в Чернигове до 800, а в Переяславе до 300”¹⁶. „Природной же остроты люди, познавшие... классы в малороссийских академиях, ... будучи иногда нищи и бедны, вояжи и странствия в Германию и Италию и далее предпринимают, откуда и возвращаются прямо учеными”¹⁷.

На фоне мнений столичных сановников, ярким проявлением настроений местного общества выступают депутатские наказы шляхетства Малороссийской и Слободско-Украинской губерний в Комиссию для составления Нового Уложения в 1767 г. Примечательно, что в большинстве обращений шляхты украинских губерний находим просьбы об основании университетов. Их необходимость аргументировали тем, что „в здешнем народе особливейшая к наукам склонность и охота видится” (так писало Глуховское шляхетство)¹⁸, поэтому даже небогатые люди отправляют детей в университеты (Московский и иностранные), беднеют и разоряются. В наказах говорилось, что учебные заведения в Киеве, Чернигове и Переяславе не отвечают требованиям времени (мнение Стародубской шляхты)¹⁹, что „прибавочные классы” Харьковского коллегіума все-таки не могут выполнить задачи университета (Ахтырское дворянство)²⁰. Если суммировать все поступившие тогда предложения, то местное дворянство просило открыть университеты в Киеве, Чернигове, Переяславе, Сумах, и выражало готовность взять на себя все материальные расходы на их создание, не привлекая государственные инвестиции. В текстах предложений шляхты Малороссийской и Слободско-Украинской губерний весьма примечательны общие размышления о роли университета в жизни общества и отдельного человека, которые были сформулированы в духе аргументации эпохи Просвещения. Важно отметить, что анализ наказов депутатов от всех других губерний Российской империи показал, что вопрос о создании университета в них не ставился. Лишь в нескольких наказах говорилось о развитии начального образования, а депутаты Орловского уезда упомянули о необходимости „медицинских университетов” (без конкретных предложений)²¹. Таким образом, наказы депутатов украинских губерний зафиксировали очевидное стремле-

¹⁶ *Ibid.*, л. 6.

¹⁷ *Ibidem.*

¹⁸ *Депутатские наказы и всеподданнейшие челобитья от шляхетства Малороссийской губернии*, „Сборник Русского исторического общества” 1889, т. 68, с. 130.

¹⁹ *Ibid.*, с. 193.

²⁰ *Депутатские наказы и всеподданнейшие челобитья от дворян Слободской Украинской губернии*, „Сборник Русского исторического общества” 1889, т. 68, с. 257.

²¹ *Депутатские наказы от дворян Белгородской губернии*, „Сборник Русского исторического общества” 1889, т. 68, с. 525–526.

ние общества к усовершенствованию существующих учебных заведений (коллегиумов и академии) и созданию университета нового типа.

Хотя эти и другие проекты в 1760-е гг. так и остались нереализованными, через некоторое время вновь возникла надежда на их воплощение. Имеем в виду указ Екатерины II от 29 января 1786 г., направленный „Комиссии об учреждении училищ”, которым предусматривалось открытие университетов в Чернигове, Пскове и Пензе²². В Чернигове с большим воодушевлением восприняли указ и сразу приступили к непосредственной подготовке открытия университета²³. Однако и этот план не был воплощен в жизнь. Черниговское дворянство верило в его возрождение и спустя десятилетие, о чем свидетельствует записка Александру I (1801 г.), в которой высказано сожаление, что университет так и не был открыт. Дворянство просило подтвердить указ 1786 г. и снова выразило готовность собрать все необходимые средства для создания университета, не прибегая к помощи государства²⁴.

Исследователи по-разному определяли причины того, почему ни один из проектов реформирования образования, которые были подготовлены в Российской империи во второй половине XVIII в., так и не был реализован. В частности, украинские историки делали акцент на том, что политика централизации, проводимая российским правительством, имела цель не допустить возникновения высшей школы в Украине²⁵. Современные исследователи выявили комплекс причин, которые обусловили непоследовательность и незавершенность политики в сфере образования, которая проводилась при Екатерине II²⁶.

На фоне многочисленных нереализованных образовательных проектов, выдвинутых в Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX вв. имеем основания утверждать, что уникальным и весьма показательным явлением было открытие так называемых „прибавочных классов” при Харьковском коллегиуме в 1768 г. Для того чтобы понять почему это стало возможным, нужно сказать, что с середины XVIII в. в православных коллегиумах произошли значительные перемены в содержании учебных курсов, постепенно совершалась переориентация на „новую” науку. То есть, модель коллегиума не была застывшей, но подвергалась постепенным изменениям. Такие перемены происходили как ответ на запросы элиты, как выполнение указаний начальствующих лиц и даже по решению препода-

---

²² Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (далее: ПСЗ РИ), Санкт-Петербург 1830, т. XXII (1784–1788), № 16315.

²³ Л. Миловидов, *Проекти вищої школи на Чернігівщині (1760–1803 рр.)*, *op. cit.*, с. 84.

²⁴ *Записка 1801 г. о нуждах малороссийского дворянства*, „Киевская старина” 1890, № 8, с. 315–316.

²⁵ Л. Миловидов, *Проекти вищої школи на Чернігівщині (1760–1803 рр.)*, *op. cit.*, с. 88.

²⁶ См. об этом подробно: А.Ю. Андреев, *op. cit.*, с. 302–320.

вателей и руководства коллегий. Изучая эти процессы на микроуровне можно лучше понять механизмы реализации тех или иных предложений. Об этом свидетельствует и история открытия „прибавочных классов”. Согласно инструкции Екатерины II слободско-украинскому губернатору Е. О. Щербинину в „прибавочных классах” должны были преподавать французский и немецкий языки, математику, геометрию, рисование, геодезию, инженерное и артиллерийское дело²⁷. Студенты коллегия могли обучаться в этих классах бесплатно четыре года²⁸. Однако открытию „прибавочных классов” предшествовала настоящая борьба, в которой местный белгородский епископ Порфирий Крайский (в его ведении находился Харьковский коллегий) выступил против коллегийской корпорации и широких общественных кругов, стремившихся к открытию „классов”. Дело о „прибавочных классах”, которое хранится в архиве Синода, отражает разные взгляды церковной и светской власти на вызовы времени. Показательно, что белгородский епископ Порфирий Крайский считал коллегий исключительно церковным учебным заведением и требовал от губернатора Щербинина не вмешиваться в дела коллегия²⁹. Хотя в реальной жизни коллегий выполнял задачи, далеко выходящие за подготовку церковнослужителей, взгляд архиерея уже был выражением позиции местной церковной власти. В результате, классы были открыты в 1768 г. при следующем епископе Самуиле Миславском. Решение Синода, принятое по этому делу, отразило стремление высшей инстанции лавировать между церковной и светской властью региона, найти компромисс между светским и церковным компонентами учебной программы коллегия. Согласно принятой резолюции студенты коллегия могли посещать „прибавочные классы” бесплатно (другие ученики платили за учебу), классы располагались в помещениях коллегия, но деньги, выделенные на нужды „классов” запрещалось тратить на сам коллегий. Вместе с тем губернатору Щербинину запрещалось препятствовать тем ученикам „прибавочных классов”, которые хотели поступить в коллегий, тем более если они хотели получить духовный чин³⁰. Ученики коллегия могли совмещать свои занятия с учебой в „прибавочных классах”, получая дополнительные часы по предметам, которые преподавали в коллегие, или новые предметы (в целом они могли изучать французский, немецкий, итальянский языки,

²⁷ *ПСЗ РИ*, т. XVII (1765–1766), № 12430.

²⁸ Центральний державний історичний архів України в Києві, Фонд 1709: Харківське намісницьке правління (1780–1796) оп. 2 спр. 1488.

²⁹ Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (далее: РГИА) Фонд 796: Канцелярия Синода (1721–1918), оп. 48 д. 430, л. 147.

³⁰ *Ibid.*, л. 145–148.

арифметику, геометрию, архитектуру, рисование, историю и географию)³¹. Такое соединение разнородных учебных дисциплин усилило своеобразие коллегіума, расширило светский компонент учебной программы. Примечательно, что позже, когда прибавочные классы выделились в „Казенное училище”, большинство предметов осталось в курсе преподавания коллегіума, то есть они стали восприниматься как необходимые. Не случайно, учебный курс, который сложился в это время в коллегіуме, сравнивали с программой кадетских корпусов Российской империи³². Вместе с тем, если учесть все существенные изменения, которые произошли в содержании учебных дисциплин в православных коллегіумах во второй половине XVIII в.³³, есть не меньше оснований проводить параллели со шляхетскими коллегіумами (*Collegium Nobilium*), которые основывались в это время в Европе, в частности, в Речи Посполитой. Новые требования времени, изменившиеся задачи воспитания детей шляхты привели к тому, что в этих учебных заведениях, при сохранении программы „*Ratio Studiorum*”, происходила модернизация учебного процесса за счет введения дополнительных предметов³⁴. Сравнение этих изменений приводят к выводу, что поиски путей модернизации европейской гуманистической школы и православных коллегіумов велись в одном направлении.

Однако в последующие десятилетия дальнейшее расширение светского компонента в рамках коллегіумского образования все больше вступало в конфликт с церковно-профессиональными задачами, которые отстаивали церковные власти Российской империи на местах и в центре. Изучение этого противостояния позволяет утверждать, что развитие элементов светского университетского образования сковывалось не только церковной традицией, но и законодательством, которое на протяжении XVIII в. усиливало сословно-профессиональные признаки духовных школ.

Говоря об изменениях модели учебного заведения, необходимо напомнить, что в делопроизводственной документации Российской империи в XVIII в. коллегіумы именовали по-разному: „коллегіум”, „школы”, „ака-

---

³¹ См. подробнее об этом: Л.Ю. Посохова, *Харківський коллегіум (XVIII – перша половина XIX ст.)*, Харків 1999, с. 97–100.

³² Д.И. Багалея, Д.П. Миллер, *История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905)*: в 2 т., Харьков 1993, т. 1, с. 421.

³³ См. подробнее об этом: Л.Ю. Посохова, *На перехресті культур, традицій, епох...*, с. 53–170.

³⁴ См. подробнее об этом: L. Piechnik, *Jezuickie Collegium Nobilium w Warszawie (1752–1777)*, [w:] *Z dziejów szkolnictwa jezuickiego w Polsce*, Kraków 1994, s. 151–182; К. Пуховський, *Єзуїтський Collegium Nobilium у Львові (1749–1773)*, „Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки” 2006, вип. 8 (715), с. 117–144; K. Puchowski, *Jezuicke kolegia szlacheckie Rzeczypospolitej Obojga Narodów*, Gdańsk 2007.

демия”, „семинария”. При этом коллегиумы сохраняли основные параметры своей модели вплоть до реформы духовных учебных заведений 1808 года. Весьма показательны случаи, когда коллегиумская корпорация выражала бурное несогласие с наименованием „семинария”. Таких ситуаций было несколько, но особенно это проявилось, когда 25 мая 1790 г. белгородский епископ Феокист Мочульский издал указ о запрещении названия „Харьковский коллегиум” и замене его на наименование „Харьковская семинария”, что вызвало возмущение и сопротивление со стороны преподавателей коллегиума и местного общества³⁵. Руководство коллегиума не хотело использовать название „семинария” в документации, считая это оскорбительным³⁶. После этого случая названия „коллегиум” и „семинария” существовали параллельно, хотя новое наименование все чаще применялось в церковной среде. В ответ на многочисленные обращения к власти Харьковский коллегиум получил разрешение сохранить свое название, и оно оставалось до 1841 г. В XIX в. это был единственный „коллегиум” в империи.

Говоря о реформах, проведенных при Екатерине II, нельзя не вспомнить несколько важных преобразований, которые на первый взгляд не имели отношения к духовному образованию. Имеем в виду секуляризацию церковных земель, распространенную на украинские губернии в 1786 году³⁷ и означавшую кардинальные изменения экономической жизни церкви. Историки образования зачастую не вспоминают о секуляризации, поскольку она не коснулась положения духовных школ на собственно российских землях. Однако последствия секуляризации для православных коллегиумов были ощутимыми. Особенно она ударила по Харьковскому коллегиуму, так как в государственную казну передавались его богатые владения (земли, сенокосы и пр.), а сумма назначенного вместо этого денежного оклада была значительно меньше предшествующих доходов³⁸. Секуляризация и установление штатных окладов значительно повлияли на модель коллегиума, поскольку изменился один из ключевых принципов его организации (деятельность на основе собственных ресурсов, полученных от местного населения, меценатов, того, что очень близко к понятиям „фондуши” и „бенефиции” в истории европейских университетов). Однако и после секуляризации коллегиумы сохраняли некоторые отличия в сравнении с семинариями Российской империи, большинство из которых только с назначением штатных окладов смогли начать свою деятельность.

³⁵ П. Солнцев, *Очерк истории Харьковского коллегиума*, Харьков 1881, с. 28; А.С. Лебедев, *Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности*, Харьков 1902, с. 228.

³⁶ Ф.И. Титов, *Феокист Мочульский, архиепископ Курский*, „Труды Киевской духовной академии” 1894, № 1, с. 70.

³⁷ *ПСЗ РИ*, т. XXII (1784–1788), № 16375.

³⁸ Див. про це: Посохова Л. Ю., *Харківський коле́гіум...*, с. 32–35.

В том же 1786 г. в Российской империи начали основываться главные и малые народные училища. Неопределенность положения православных коллегиумов еще больше проявилась после того, как в 1797 г. статус „академий”, как высших духовных школ, получили духовные семинарии в Петербурге и Казани³⁹. В 1798 г. было принято постановление под названием „О порядке учения в духовных академиях и семинариях”⁴⁰, однако оно реализуется лишь в начале XIX в. Таким образом, в XVIII в. унификация духовных учебных заведений в Российской империи так и не была достигнута⁴¹.

Как уже отмечалось, в конце XVIII – начале XIX вв. во многих странах Европы были проведены реформы в сфере образования, в следствие которых произошла трансформация доклассической модели университета и возник классический (гумбольдтовский) университет. Тогда же ряд иезуитских университетов неполного состава, которые скорее выполняли роль региональных гимназий, были реорганизованы в полноценные университеты⁴². В Российской империи в начале XIX в. также было проведено несколько важнейших реформ, в том числе и в сфере образования. В исследованиях по истории образования и культуры Российской империи при рассмотрении этих преобразований анализируются такие важные события как создание министерства народного просвещения, принятие университетского устава 1804 г., возникновение сети университетов, создание системы светских учебных заведений и учебных округов. Однако из поля зрения выпадают преобразования церковных учебных заведений, хотя они, по мнению современных историков, были напрямую связаны с реорганизацией светского образования⁴³. Собственно, эту связь четко фиксировали еще современники. На стадии обсуждения образовательной реформы в высших кругах российского общества снова вернулись к идеям, высказанным во второй половине XVIII в. Среди прочего, обсуждался и план, который предполагал ликвидацию сословной духовной школы и создание богословских факультетов при университетах⁴⁴. Определение таких перспектив, безусловно, не могло не затронуть судьбу коллегиумов. Примечательно, что указ от 29 января 1786 г., которым предполагалось создание университета в Чернигове, провозглашал окончательный отказ от включения богословского факультета в структуру российских университетов, обосновывая это тем,

³⁹ *Полное собрание постановлений и распоряжений по вопросу православного исповедания Российской империи. Царствование государя Павла I-го (6 ноября 1796 – 11 марта 1801)* (далее: ПСПР), Петроград 1915, с. 137.

⁴⁰ ПСПР, с. 303–306.

⁴¹ Б.В. Титлинов, *op. cit.*, с. 8.

⁴² А.Ю. Андреев, *op. cit.*, с. 341.

⁴³ Е.А. Вишленкова, *op. cit.*, с. 318.

⁴⁴ П. Ферлюдин, *Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты*, Саратов 1894, с. 57.

что богословие традиционно изучали в духовных училищах⁴⁵. Несмотря на это, идея открытия богословского факультета в российских университетах и тогда, и позже имела немало сторонников, в том числе и среди членов правительства⁴⁶. В частности, в начале XIX в. проект создания Харьковского университета, разработанный В.Н. Каразиным, также предполагал открытие богословского факультета⁴⁷. Однако против светской системы подготовки духовенства выступили представители и католического, и православного духовенства империи⁴⁸. В результате университеты Российской империи не имели богословских факультетов (теологический факультет Дерптского университета готовил лютеранское духовенство, а Виленский и Варшавский университеты имели в своей структуре теологические факультеты непродолжительное время).

После длительных дискуссий, 26 июня 1808 г. Александром I был подписан законопроект, который положил начало реформированию духовных учебных заведений⁴⁹. Закон вносил изменения в структуру этих заведений, учебный и воспитательный процесс, систему финансирования⁵⁰. Духовной школе Российской империи окончательно придавались специально-профессиональная направленность и общегосударственное значение. При внимательном рассмотрении данных преобразований можно увидеть немало схожего с процессами в системе светского образования. Во главе системы духовного образования была поставлена Комиссия духовных училищ при Синоде, которая создавалась как самостоятельный орган, которому подчинялись все духовные школы страны⁵¹. Это означало ликвидацию прав и обязанностей архиереев по управлению духовным образованием в своих епархиях (так было на протяжении XVIII в.). Законом устанавливались четыре уровня церковно-образовательных заведений: приходские школы, уездные училища, семинарии и академии. Академии были поставлены во главе духовно-учебных округов и должны были осуществлять надзор за всеми семинариями в епархиях, которые входили в состав округа (это напоминает тот порядок, согласно которому университеты были поставлены во главе

⁴⁵ ПСЗ РИ, т. XXII (1784–1788), № 16315.

⁴⁶ М.И. Сухомлинов, *Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I*, „Журнал Министерства народного просвещения” 1865, Октябрь, с. 66.

⁴⁷ Ф.А. Петров, *Формирование системы университетского образования в России: Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года*, Москва 2002, с. 209.

⁴⁸ Е.А. Вишленкова, *op. cit.*, с. 319.

⁴⁹ ПСЗ РИ, т. XXX (1808–1809), № 23122.

⁵⁰ Доклад Комитета о усовершенствовании духовных училищ, и начертание проекта о образовании сих училищ и содержании духовенства при церквях служащаго, Санкт-Петербург 1809.

⁵¹ ПСЗ РИ, т. XXX (1808–1809), № 23207.

учебных округов и должны были отвечать за состояние учебных заведений округа). Реформой было определено количество учебных заведений: четыре академии (Киевская, Московская, Петербургская и Казанская) и 36 семинарий, приписанных к „своим” академиям. Количество семинарий стало равно количеству епархий. Было определено количество уездных (не более 10) и приходских училищ (не более 30) в каждой епархии. Все учебные заведения получали штатный оклад, соответствующий их уровню.

В результате реформы 1808 г. произошли значительные изменения и в организации учебно-воспитательного процесса. Были приняты уставы, регламентировавшие все аспекты жизни этих учебных заведений, пересмотрены и утверждены учебные программы и учебные пособия по всем предметам. Была предусмотрена преемственность в программах, что должно было обеспечить последовательное прохождение от низшей ступени до высшей. Были регламентированы содержание и методы преподавания, Комиссия подготовила конспекты всем дисциплинам, обозначив основные вопросы занятий, списки учебников и пособий⁵². Основным требованием к преподавателям было четкое выполнение порядка преподавания, намеченного Комиссией.

Очевидно, что о сохранении специфики православных коллегиумов в процессе реформирования, имевшего целью унификацию, не могло быть и речи. Комиссия духовных училищ определила коллегиумам статус семинарий Киевского духовно-учебного округа. В сентябре 1817 г. они открылись в соответствии с новым уставом⁵³. Важно отметить, что Комитет, который готовил реформу, в своем „Докладе”, опираясь на анализ состояния учебного процесса в духовных училищах, сделал вывод, что в большинстве семинарий империи не было организовано систематического образования, не было четкого порядка преподавания дисциплин, во многих нередко не преподавали даже основные дисциплины, „новые языки” (французский и немецкий) почти нигде не изучали, а большинство преподавателей не имели даже семинарского образования⁵⁴. Такой же вывод сделали и исследователи истории духовных школ империи⁵⁵. На этом фоне особенно заметно, насколько положение дел в преподавании в православных коллегиумах отличалось от обычных семинарий. Коллегиумы были одними из немногих учебных заведений, в которых Комитет не выявил нарушений в организации работы, а учебный процесс был выдержан на академическом уровне.

После реформы бывшие коллегиумы, получившие статус семинарий, подчинялись Киевской духовной академии. Им был назначен штатный

⁵² Б.В. Титлинов, *op. cit.*, с. 122.

⁵³ РГИА, Фонд 802: Учебный комитет при Синоде (1808–1918), оп. 1 д. 1790.

⁵⁴ *Доклад Комитета...*, с. 54–55.

⁵⁵ П. Знаменский, *Духовные школы в России до реформы 1808 года*, Казань 1881, с. 462; Б.В. Титлинов, *op. cit.*, с. 13.

денежный оклад, установлена численность преподавателей (6 человек). Контроль за всем ходом дел должна была осуществлять Киевская духовная академия и Комиссия Духовных училищ. Таким образом, функции руководства семинарии, мера самостоятельности в принятии решений были значительно сужены в сравнении с предшествующим периодом. В семинариях не имели права самостоятельно изменить установленное количество учебных дисциплин, даже что-то прибавить к обязательному перечню. Была определена и численность учеников (по сравнению с предшествующим временем она существенно уменьшилась). Новая форма управления семинариями сводилась к жесткому единоначалию, вся власть управления концентрировалась в руках ректора⁵⁶.

Срок обучения в семинарии был определен в шесть лет. Четко была сформулирована и цель обучения – подготовка к духовному званию⁵⁷. Даже те исследователи, которые в целом позитивно оценивали устав, отмечали, что он отличался крайней регламентацией и многими запретами⁵⁸. Акцент в процессе воспитания переносился на соблюдение внешней дисциплины и порядка.

Реформа 1808 г. разрешила ряд давно назревших проблем духовного образования, которые поднимались на протяжении XVIII в. Прежде всего была создана система специального духовного образования. В структуре этой системы реформированные семинарии обрели четкие задачи средних учебных заведений. Однако в сравнении с тем, что преподавали в коллегиях до реформы, нового появилось немного. Наоборот, произошло существенное уменьшение объема курса, поскольку почти вдвое сократился срок обучения. Если проанализировать программу обучения в коллегиях, которая была достигнута в них на рубеже XVIII–XIX вв. и сравнить ее с курсом академии, установленного реформой 1808 г., увидим, что они мало чем отличались. Преобразование коллегий в 1808 г. реально привело к сокращению объема учебного курса, количества дисциплин, уменьшению числа учеников и преподавателей, понижению уровня преподавания⁵⁹.

Реформа 1808 г. стала завершением широкомасштабных преобразований в сфере образования в Российской империи в начале XIX в., поскольку без изменения духовных учебных заведений „система” образования не могла получить законченного вида. Ряд аспектов переустройства духовного и светского образования были настолько тесно связаны, что полноценное исследование реформ светского образования, по нашему мнению, невозможно без определения места и статуса духовных академий и семинарий. К слову

⁵⁶ Б. В. Титлинов, *op. cit.*, с. 106–107.

⁵⁷ *Доклад Комитета...*, с. 17.

⁵⁸ Б. В. Титлинов, *op. cit.*, с. 285.

⁵⁹ Л. Ю. Посохова, *На перехресті культур, традицій, епох...*, с. 320.

отметим, что все преобразования в сфере образования в Российской империи, происходившие в XIX в., обязательно завершались реформированием духовных учебных заведений. Так, после принятия университетского устава 1835 г. была проведена реформа духовных учебных заведений 1839 г., а после реформирования университетов в 1863 г. последовало преобразование церковных учебных заведений 1867 г.

Оценивая реформу 1808 г. Елена Вишленкова пришла к выводу, что в целом правительство использовало протестантскую модель организации духовного образования и высоко оценила ее замысел⁶⁰. Вместе с тем изменения, произошедшие с духовными учебными заведениями украинских губерний, которые имели мощные европейские традиции (особенно в отношении Киево-Могилянской академии), историками оцениваются скорее негативно⁶¹.

Характеризуя данный процесс, по нашему мнению, следует учитывать, что духовные семинарии в сравнении с коллегиумами представляли иную образовательную модель, были „вписаны” в новосозданные структуры образования уже Нового времени. Эти структуры на всех уровнях имели иные задачи, руководящие органы и функции. Исторически сложилось так, что православные коллегиумы, созданные под влиянием иезуитских коллегиумов (университетов), олицетворяли юго-восточный вектор продвижения европейского средневекового университета. Университеты, созданные в России во второй половине XVIII–в начале XIX в., представляли иную линию, ведущую к немецким, в значительной мере уже модернизированным университетам, и в этом смысле их появление можно увязать с северо-восточным вектором. Хотя православные коллегиумы с середины XVIII в. также вели активные поиски путей обновления, что и привело их к обращению к опыту и достижениям передовых европейских университетов, модернизации модели не произошло. Новации не достигли той „критической массы”, которая бы позволила преодолеть традиции и привести к существенным изменениям модели. Путь, который прошли православные коллегиумы, следует учитывать при исследовании всех аспектов трансфера и адаптации университетской идеи на российской почве. Есть основания сделать вывод о том, что посредством православных коллегиумов происходила подготовка к восприятию классического университета в Российской империи. Коллегиумы, сойдя с исторической арены как вариант воплощения средневекового университета, тем не менее длительное время были важными каналами взаимовлияния культур в рамках общеевропейского пространства, оставили

⁶⁰ Е.А. Вишленкова, *op. cit.*, с. 336.

⁶¹ О. Пахльовська, *Киево-Могилянська академія як чинник становлення національної самобутності української культури: парадокси еволюції*, [в:] *Киево-Могилянська академія в іменах, XVII–XVIII ст.: енцикл. вид.*, ред. В. С. Брюховецький, Київ 2001, с. 23.

благоприятную почву для прорастания новых образовательных идей и конструирования новых образовательных форм. Последнее дает нам основание сказать, что классический университет в Российской империи в XIX в. возник не на „пустом месте”

THE REFORMS OF RELIGIOUS SCHOOLS IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF THE 18TH - EARLY 19TH CENTURIES AND HISTORICAL DESTINY OF ORTHODOX COLLEGIA OF UKRAINE

The article deals with the historical fate of Ukraine's Orthodox Collegia against educational reforms which were developed and implemented in the Russian Empire in the second half of the 18th – early 19th centuries. Chernihiv, Kharkiv and Pereyaslav Collegia incurred on Ukrainian lands in the first third of the 18th century, represented the educational model, which had a genetic connection with the Jesuit colleges and could potentially get the status of universities. However, in the course of the reform of religious schools in 1808 Orthodox Collegium were transformed into religious seminaries, that is, class-professional school of average level. However, there are reasons to believe that Orthodox Collegia, which represented the southeast motion vector of European University, prepared the ground for the perception of the idea of a classical university in the Eastern European space.